Библиотека Всемирной Литературы

Аркадий Аверченко

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко
Участок

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=620055

Аннотация

«… Имеете вы, хоть слабое, представление о функциях расторопной русской полиции?

Попробуйте хоть полчаса посидеть в душной, пропитанной промозглым запахом канцелярии участка. Это так интересно…»

Аркадий Аверченко
Участок

Того согрей,
Тем свету дай
И всех притом Благословляй.

Имеете вы, хоть слабое, представление о функциях расторопной русской полиции?

Попробуйте хоть полчаса посидеть в душной, пропитанной промозглым запахом канцелярии участка. Это так интересно…

…Околоточный надзиратель отрывается от полуисписанной им бумажки, поднимает голову и методически спрашивает:

– Тебе чего?

– Самовар украли, батюшка.

– И твои глаза где же были?

Околоточный прекрасно сознает, что этот вопрос – ни более, ни менее как бесплодная, ненужная попытка хоть на минуту оттянуть исполнение лежащих на нем обязанностей – опрос потерпевшей, составление протокола и розыски похитителя.

– Ты чего ж смотрела?

– То-то, что не смотрела. У лавочку побежала, а он, пес, значит, – шасть! Кипяток вылил, угли вытряс – только его и видели.

– «Он», «его»… Почем ты знаешь, что «он»? Может, и «она»!

Кухарка запахивается в платок, утирает указательным пальцем нос и, подумав, соглашается:

– А, может, и она. Аны рази разбирают.

– Подозрение на кого-нибудь имеешь?

– Имею.

– Ну?

– Не иначе, жулик какой-нибудь украл.

– Ты скажешь тоже… Посиди тут, я сейчас все устрою. Вам чего, господин?

– Сырость у меня.

– Где сырость?

– В квартире.

– Ну так что ж?

– Не могу же я, согласитесь сами, в сырой квартире жить?!

Околоточному даже не приходит в голову заявить, что это его не касается, или, в крайнем случае, удивиться, что к нему обращаются с такими пустяками.

Единственная роскошь, которую он себе позволяет, – это хоть на минутку оттянуть исполнение своих обязанностей.

– А вы зачем же сырую квартиру снимали?

– Я снимал не сырую. Я снимал сухую.

– Сухая, а сами говорите – сырая.

– Она потом оказалась сырой, когда уже переехали. Такие пятна по обоям пошли, что хуже географической карты.

Рассматривая недописанную бумажку, околоточный что-то мычит и машинально спрашивает:

– Подозрение на кого-нибудь имеете?

– То есть как это? Я вас не понимаю.

– Гм!.. Я хочу сказать, убытки заявляете?

– Да как же их заявить – если от сырости ревматизм бывает. Иной ревматизм пустяковый, может быть, десять целковых стоит, а иной как защемит – его и в тысячу рублей не уберешь.

Тоскливое молчание.

– А вы чего ж смотрели, когда нанимали?

– Говорю ж вам – тогда сырости не было.

– Хорошо… Адрес? Зайду. Наведу справки и… Вам чего?..

– Господин околоточный! Вы не можете себе представить – я за последнее время все нервы себе истрепала. Буквально все нервы.

Вероятно, эта выше средних лет дама истрепала нервы не более, чем околоточный, потому что он хватается за недописанную бумажку, потом за голову и осведомляется:

– Подозрение на кого-нибудь имеете?

– Буквально все нервы. Как только наступает ночь – прямо хоть беги из квартиры.

– А что такое?

– Привидения. Все в один голос так говорят, что привидения. Кто-то стучит, ходит, роняет вещи, разговаривает, а ровно в полночь раздается вдруг в стене такой вой и плач, что мы все с ума сходим.

– Как же вы так допустили до этого?

– Да мы-то что же… Мы тут ни при чем.

– Подозрение на кого-нибудь имеете?

– Никакого подозрения. Я убеждена, что это что-нибудь загадочное. Ходит, роняет вещи и разговаривает.

– Сколько же их душ?

– Кого?

– Вот этих… призраков?! Привидений?

– А почем я знаю. Вероятно, одно.

– Но вы говорите – он разговаривает. Не может же он сам с собой разговаривать?

– А я не знаю. Вам лучше знать – может он или не может.

Околоточный обладает чрезвычайно скудным запасом сведений из жизни обитателей потустороннего мира; но как представитель власти не хочет ударить лицом в грязь и поэтому говорит чрезвычайно уверенно:

– Не может. Не иначе как с соучастником. Ну, хорошо. Успокойтесь, сударыня. Мы разберем это дело, и виновные понесут заслуженное наказание. Ваш адрес? Имею честь кла… Ты чего тут топчешься?

– Мать старуха померла.

– Подозрение на ко… Гм! Ну и царство ей небесное. От чего померла?

– Бог-ё знает. Ей уж годов сто будет. Три года, как не ставала. Теперь померла.

– А ты чего же смотрел? – тоскливо в сотый раз мямлит околоточный. – Ну, ладно. Подожди, сейчас. Вам что угодно? Потрудитесь снять котелок. Осторожнее, вы рукой в чернильницу попали. Что вам угодно?

– Скучно мне, господин околоточный.

– А вы бы меньше пили, так и не было бы скучно.

– Чудак человек, а отчего же я пью? От скуки ж!

– Вы что ж… заявление какое пришли сделать? Прошу на меня не дышать!

– Пришел. Заявление. Заявлю вам, как представителю власти, что мне скучно! Почему нет никаких увеселений?

– Идите домой спать. Вот вам и увеселение.

– Вы думаете? Не желаю. Я хочу жить полной жизнью. Конечно, вы можете меня прогнать, но – куда же мне пойти? Если я пришел сюда, значит, больше некуда. Ах, г. околоточный! Русский человек носит в себе особую тоску.

– Будьте добры не мешать мне.

– Куда же я пойду? Чрезвычайно хочется каких-нибудь увеселений.

– Ну… пойдите в кинематограф. Часа через два откроется.

– Мерси! Вот видите – дельный совет. Я знал, куда иду!

Начальство – оно распорядится! Разрешите посидеть тут на диванчике, подождать открытия.

– Сидите. Только не шумите. Вам что, господин?

– Жена от меня ушла. Нельзя ли…

– А вы чего же смотрели?

– Ах, да разве за ними усмотришь? Спрашивается, чего ей недоставало?

– Да… Женщины – народ загадочный. Все ищут такого, чего и на свете нет. Престранная публика. Подозрение на кого-нибудь имеете?

– Тут даже и подозрения никакого нет; сбежала со штабскапитаном Перцовым.

– А вы чего же смотрели?

– А вот вы спросите. Приятелем моим считался, на бильярде вместе играли и – на тебе!.. Подсидел.

– Да-а… В семейной жизни всегда нужно быть начеку, – говорит устало околоточный, закуривая папиросу. – Можно вам предложить? Семейная жизнь – это, как говорится, осаждаемая крепость. Женщины любят все романтичное, а мужья ходят по утрам простоволосые, в расхристанной рубашке и туфлях на босу ногу. А женщина лакированный ботфорт любит. Нравственная глубина не так ее интересует, как приятный блеск внеш… Тебе чего?

– Ну, ви еще заняты, так я себе немножечко, ваше благородие, подожду. Таки каждый человек должен ожидать, когда их высокоблагородие заняты. Вы уж, пожалуйста, не кри-

чите…

– Да ты по какому делу?

– Маленькое себе дело. К моей жене заехала из Варшавы на минуточку свояченица, ну, так она имеет варшавское правожительство. Я говорю господину паспортисту…

– Хорошо. Зайдешь к трем часам, когда посвободнее будет. Вам чего, барышня? Не плачьте.

– Можно так делать? Говорил: «Люблю, люблю», а теперь вытянул все, обобрал и ушел… Оставил в чем мать родила.

– Кто такой?

– Приказчик от «Обонгу». Прямо-таки оставил в чем мать родила.

– А вы чего же смотрели?

– Так если он говорил, что любит. Божился, крестился, землю ел. А теперь что я?.. В чем мать родила!

Это не более как поэтическая метафора, потому что огромная шляпа на голове девицы никогда не позволила бы ей появиться в таком виде на этот горестный свет.

– Хорошо, – говорит околоточный. – Вы где в него влюбились? В нашем участке? Будьте покойны – мы примем меры!

Пишущий эти строки долго сидит на потертом деревянном диванчике и любуется этим калейдоскопом кухарок, квартирантов, привидений, пьяных и обманутых мужей.

И вот, выждав свободную минуту, я встаю с диванчика и подхожу к обессиленному, отупевшему околоточному.

– Вам что угодно?

– Темы нет, г. околоточный.

– Какой темы?

– Для рассказа.

– А вы чего же смотр… Да я-то тут при чем, скажите, пожалуйста?!

– Как при чем? Вы – полиция. Если привидения, пьяные и обманутые мужья вам «при чем», то и тема вам «при чем».

Околоточный трет голову.

– Вам тему?

– Тему.

– Для рассказа?

– Для рассказа.

– Гм… Подозрения ни на к… Ах ты господи! Ну, мало ли тем… Ну, опишите, например, участок, посетителей. Вот вам и тема.

– Ну вот и спасибо. Опишу. Я ведь знал, что если вы обязаны смотреть за всем, то обязаны смотреть и за темами. Прощайте!

Вот – написал.